

УДК 82.09
ББК 83.3(2=Рус)6-8(Платонов)
Н76

Редактор *Евгений Яблоков*

Новые территории. Поэтика Андрея Платонова. Сборник 2. — М.:
Н76 Совпадение, 2015. — 200 с.
ISBN 978-5-903060-94-8

Сборник посвящен творчеству одного из крупнейших русских прозаиков — А.П. Платонова (1899—1951), творческое наследие которого еще не в полной мере открыто читателям. В книгу входят работы участников Международного Платоновского семинара (МПС/IPS) из пяти стран. Предметом анализа в статьях являются малоисследованные художественные произведения Платонова, увидевшие свет в 1990—2000-х гг. Кроме того, публикуется наиболее полная на сегодняшний день Хроника жизни и творчества писателя.

УДК 82.09
ББК 83.3(2=Рус)6-8(Платонов)

ISBN 978-5-90306-94-8

© Коллектив авторов, 2015
© ООО «Издательство «Совпадение», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
<i>Нонака Сусуму (Сайтама, Япония)</i>	
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЛИРИЗМА И АНТИЛИРИЗМА КАК МОМЕНТ ЭВОЛЮЦИИ ТВОРЧЕСТВА	
А. П. ПЛАТОНОВА («ОДНАЖДЫ ЛЮБИВШИЕ» И ДР.)	7
<i>Ольга Фролова (Москва)</i>	
ОТ СЛОВА К СЮЖЕТУ И К СМЫСЛУ («ДИКОЕ МЕСТО» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА)	18
<i>Бен В. Дооге (Гент, Бельгия)</i>	
СРАЖЕНИЕ ИНОРОДНЫХ СТИХИЙ И СЕМЕЙ. «ВОЙНА» ПЛАТОНОВА	31
<i>Роберт Ходел (Гамбург, Германия)</i>	
«ОТМЕЖЕВАВШИЙСЯ МАКАР» — АМБИВАЛЕНТНАЯ САТИРА	57
<i>Евгений Яблоков (Москва)</i>	
ДВА ВОЗВРАЩЕНИЯ («СЕМЕЙСТВО» И «СЕМЬЯ ИВАНОВА»)	79
<i>Мария Богомолова (Москва)</i>	
РАССКАЗ «ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ»: ДИНАМИКА СЮЖЕТА И КРУГОВорот СУДЕБ	94
<i>Леонид Геллер (Париж — Лозанна, Франция — Швейцария)</i>	
ЗА ГОРАМИ ТРУДА. НА ПОДСТУПАХ К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ АНАЛИЗУ «ХЛЕБА И ЧТЕНИЯ»	110
<i>Евгений Яблоков (Москва)</i>	
МИСТЕРИЯ АНАТОМИЧЕСКОГО ТЕАТРА (РАССКАЗ «ГОЛУБЬ И ГОРЛЕНКА» — ВОЗВРАЩАЯСЬ К ТЕМЕ «ПЛАТОНОВ И ЗАБОЛОЦКИЙ»)	133
А. П. Платонов: хроника жизни и творчества	157
Сведения об авторах	198

ОТ СЛОВА К СЮЖЕТУ И К СМЫСЛУ («Дикое место» Андрея Платонова)

В рассказах Платонова 1920-х гг. складывались его стиль и мировидение, отразившиеся прежде всего в «больших» произведениях «Котлован», «Чевенгур» и «Ювенильное море». Наша цель — проанализировать лексику, словоупотребление и стилистические приемы в рассказе «Дикое место» и показать, каким образом особенности речи формируют сюжет и смысл текста¹.

Стилистический контекст

Обратимся к стилистике рассказа. Е. Толстая высказала чрезвычайно плодотворную методологически ценную идею о связи низших уровней текста с высшими (Толстая 2002, с. 227—271). Поэтому сначала попытаемся рассмотреть словесную ткань повествования.

Под стилистическим контекстом мы понимаем особенности языка, словоупотребления и повествовательной манеры автора, рассматриваемые и сопоставляемые с аналогичными явлениями в речи его современников.

В первом абзаце, где заданы пространственные координаты места действия, повествователь нетрадиционно обозначает точку отсчета.

В окрестностях одной тюрьмы — такой же, как наша. — существовал город, населенный равными людьми. Может быть, равные похожие люди произошли оттого, что тюрьма стояла недалеко и давно разутюжила все неровности.

Конструкция *в окрестностях* употребляется с зависимым словом в родительном падеже или без него при обозначении большего объекта по отношению к меньшему или неструктурированному². В рассказе «Дикое место» ак-

¹ Рассказ датируется 1927 г., но впервые увидел свет только в 2005 г. Текст рассказа цитируется по: Платонов 2005, с. 653—657. Курсив везде наш.

² Мы сопоставили словоупотребление Платонова и других авторов 1930-х гг. Для этого обратились к Национальному корпусу русского языка (далее — НКРЯ), позволяющему направленно проводить поиск по слову и конструкции. В НКРЯ для периода 1920—1930 гг. встречаем такие употребления: *Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях*

центры изменены, поэтому получается, что город ориентирован на тюрьму, а не наоборот.

Прилагательное *равный* обыгрывается как его пароним *ровный*, поскольку тюрьма горячим и тяжелым утюгом разгладила *все неровности* ландшафта. В одном предложении соседствуют два прилагательных — *равный* и *похожий*, интерпретация первого предполагает не доступность возможностей и обеспечение прав, а скорее одинаковость людей, достигнутую близким соседством тюрьмы.

«Из таких городов состоит весь мир, поэтому земля не только круглая равнина, но и душевная безотрадность». В этой фразе повествователь формулирует закон мироустройства, употребляя квантор общности — местоимение *весь*, а также оксюморонное словосочетание *круглая равнина*, оценивая ситуацию отрицательно — как *душевную безотрадность*.

Действие рассказа начинается в небольшом провинциальном городе. В тексте приведены только два его названия из трех: *Старозвонный Кут* и *Краснозвонск*, а первое, самое древнее, утаено.

В Словаре Д. Ушакова слово *кут* отсутствует. Словарь В. Даля дает два значения данного имени: *кут* — «угол, зауголок, закоелок, тупик; вершина или конец глухого захода, залива, заводи, мыса и пр. || Угол крестьянской избы: четыре угла избы отвечают четырем покоям: передней, гостиной, спальне и стряпной; кут, куть, кутник, называется придверный угол и прилавок. коник ...; местами же бабий угол, середка, шелнуша, стряпная за перегородкою, за занавескою ... в новг. этот же угол, если полати там, а не при дверях; наконец кут красный угол (новг. пск. смол. кур.)» (Даль 1978—1980, т. 2, с. 227—228). Первое значение касается удаленных мест, второе — устройства крестьянского дома. Слово *кут*, не сохранившееся в современном употреблении, тем не менее присутствует как корневая морфема в имени *закуток*. В. Даль в толковании акцентирует значение удаленности и неосвоенности, которое и актуализируется в платоновском топониме.

Близость старого и нового топонимов подчеркнута метафорическим оборотом с глаголом движения: «За свою историю, начатую монастырским скитом, город менял три раза свое имя, но далеко от первого названия *не уходил*». Действительно, топонимы *Старозвонный Кут* и *Краснозвонск* сближаются в

Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров (А. Р. Беляев. Продавец воздуха [1929]): Но известили лазутчики, что в окрестностях неспокойно, что грозит муравьиной республике нападение охотничьих племен *Formica fusca*, которые уже перебежали насыпь строящейся железной дороги и стягивают свои силы у поворота поля (М. А. Осоргин. Сивцев Вражек [1928]). У Беляева обозначена точка отсчета — Верхоянск, у Осоргина локус не назван, и поскольку речь идет о лазутчиках, предполагается, что они сообщили информацию, вернувшись из разведки.

У Платонова в прозе 1920—1930-х гг. встречается нормативное употребление данного оборота: «В один день, во время солнечного сияния, Пухов гулял в окрестностях города и думал, сколько порочной дурости в людях, сколько невнимательности к такому единственному занятию, как жизнь и вся природная обстановка» (2, 188).

корне *звон-*, но во втором из них присутствует корень *красн-* — примета послереволюционных переименований. Тем не менее повествователь в рассказе снимает противопоставление старых и новых географических названий, говоря о том, что жизнь в городе не претерпела значительных перемен.

Бессобытийное течение жизни в провинции выражено отрицанием и противопоставлением в глагольных предикатах. «Здесь люди *не жили*, а *проживывали жизнь* и находили в ней такой же вкус, как и повсеместно». Однообразие подчеркивается глаголом *проживывать*, предполагающим однообразные ритмические движения. Соответственно, он влечет за собой метафору *вкуса жизни* по закону тесноты стихового ряда Ю. Тынянова (см.: Толстая 2002, с. 229). Соседство глагола *проживывать* и существительного *вкус* оказывает влияние на обе единицы, сдвигая их понимание из метафорического, фигуративного — к буквальному. Процесс жизни сближается с потреблением пищи, а выражение *вкус жизни*, предполагающее удовольствие, заключается в однообразии. Употребление в сравнительном обороте наречия с семантикой общности *повсеместно* позволяет интерпретировать провинциальную жизнь как типичную, устроенную так же и в других местах. Первоначально может показаться, что подобное однообразие оценивается отрицательно. На это указывает противопоставление *люди не жили, а проживывали жизнь*, предполагающее, что обыватели не вполне чувствовали полноту существования. Однако далее характер оценки меняется: неспешное течение бытия города, диктуемое природными ритмами, наполняло жизнь Старозвонного Кута особым смыслом. Парадоксально, но такая жизнь, свойственная провинции, как показывает следующий абзац, оценивается в рассказе положительно: «...жила та же *терпеливая природа*, и *трудились над рацением сирени*, чтобы шло *вечернее благоухание в мудрые домики*, где люди с медленным сладострастием пили чай и дули воздух в блюдца». В данном предложении чрезвычайно важно соседство *терпеливой природы* и *мудрых домиков*. В обоих случаях изменение оценки связано с повествователем.

Начало описываемых событий отнесено к дореволюционному прошлому, что становится ясно по употребленному топониму: «Но явился раз в Старозвонный Кут человек, который заволновался и зашпешил».

Нарушение размеренного течения жизни наступает вместе с появлением персонажа, который, с одной стороны, является носителем природного начала, а с другой — выступает как одиночка, вырванный из своего круга, лишенный социальных связей: «Так прошла та забытая ночь, и человек, вошедший в город пешим, проспал ее в *бесприютном сквере* на нежной дикой траве. Он пришел после зари, и у него не было знакомых».

Прилагательное *бесприютный* тяготеет к сочетаемости с личными именами³. У Платонова оно выступает в качестве определения пространственных

³ Как показывает НКРЯ (для 1920—1930-х гг. 40 текстов и 52 употребления), это личные существительные *человек*, *странник*, *бродяга*, а также названия живых существ: птиц и животных, стихий (*ветры*), имен с темпоральной семантикой (*ночь*).

существительных, в частности *сквер*⁴. Словосочетание *бесприютный сквер* может интерпретироваться как метонимический перенос, то есть место, не дающее приюта, или как место, не производящее впечатления защищенности.

Далее в рассказе приведен диалог главного персонажа с чиновником, который назван «правителем дел»⁵. Диалог происходит в оборотах, принадлежащих официальному стилю как аутентичных (*проситель, я не правомочен наложить резолюцию*), так и паронимически переосмысленных. В выражении *он нам прямо не соподчинен* неправильно употреблено причастие, которое следовало бы заменить на пароним *подчинен* или же привести название еще одного учреждения, находящегося в подчинении у центра, чтобы оправдать префикс *со-*. Стилистический прием употребления паронима, приводящего к появлению новой интерпретации высказывания, назовем приемом паронимического сдвига.

Оборот *наложите мне косвенную резолюцию* содержит лишнее определение *косвенный*. Ни в поисковой системе Google, ни в НКРЯ не обнаруживается ни одного примера такого употребления.

Согласие чиновника помочь неизвестному просителю повествователь объясняет так: «Правитель дел любил осведомленность об аппарате власти, но

⁴ Особенности платоновского употребления прилагательного *бесприютный* отражены в НКРЯ. «Город Градов»: «Особое чувство скуки и беспокойства охватило Шмакова, когда он шел по мрачным и *бесприутным залам вокзала*» (2, 132); «Чевенгур»: «В темноте степей и оврагов может послышаться топот белых армий либо медленный шорох босых бандитских отрядов — и тогда не видать больше Чепурному ни травы, ни пустых домов в Чевенгуре, ни товарищеского солнца над этим первоначальным городом, уже готовым с чистыми полами и посвежевшим воздухом встретить неизвестный, *бесприутный пролетариат*, который сейчас где-то бредет без уважения людей и без значения собственной жизни» (3, 262); «В главном доме жило немного окончательно *бесприутного* и нигде не зарегистрированного *народа* — четыре окна мерцали светом открытой топившейся печки, там варили пищу в камине» (3, 150). Однако следует заметить, что примеры подобной сочетаемости прилагательного *бесприутный* с пространственными именами и с существительными со значением собирательности нельзя считать свидетельствами уникального платоновского стиля. В НКРЯ у ряда авторов обнаруживаем сходные употребления: «Хмурые, серые, низкие тучи быстро неслись над *мокрой бесприутной землей* и сеяли мелкий осенний дождь» (П. С. Романов. Русь [1922]); «Тем временем двигалась из Китая голодная, нагая, *бесприутная армия* беженцев-киргизов. (Д. А. Фурманов. Мятаж [1924]); «А меня точил червяк „без вины виноватости“ перед лицом представителя этого единственного в своем роде народа — *народа-скитальца, народа-странника, сироты, лишенного родины, бездомного, бесприутного*, всюду тлетируемого, как отверженный парий» (В. М. Чернов. Записки социалиста-революционера [1922]); «Ибо вооруженные, голодные, *бесприутные*, терроризированные и несознательные солдатские массы представляли сейчас для дела революции не меньшую опасность, чем организованные силы царизма» (Н. Н. Суханов. Записки о революции. Кн. I [1918—1921]).

⁵ Существительное преобразовано в именное словосочетание (ср. *делопроизводитель* → *производитель дел*, *письмоводитель* → *водитель писем*). Аналогично в рассказе «Усомнившийся Макар» встречается *принятие мер* вместо *мероприятие*. Причем фраза «Вон наш вожь шагом куда-то пошел, завтра жди какого-нибудь принятия мер...» (1, 217) построена так, что допускает два прочтения: либо на следующий день назначено какое-то мероприятие, либо к кому-то будут приняты меры.

никто не мог превозмочь его в этом *административном естествознании*»⁶. Метонимический перенос в зависимом слове предполагает возможность развертывания в придаточное предложение: *осведомленность о том, как работает (устроен) аппарат власти*. Далее употреблены слово *превозмочь*, сопровождаемое в словаре Д. Ушакова пометами *книжное, устаревшее* (Ушаков 1996, т. 2, с. 705), и словосочетание с паронимическим сдвигом *административное естествознание*. Последнее словосочетание сближает социальный и природный миры, делая бюрократическую природу управления естественно природной.

Языковая игра на метонимических переносах и паронимических сдвигах характеризует также реплику просителя: «Ну тогда напишите что-нибудь, чтобы они чувствовали *высший орган губернии!*» Выражение неопределенности *что-нибудь*, сменяющее официальное по форме *косвенная резолюция*, не характерное для официальной речи, соседствует с переосмысленным оборотом *высший орган власти*, в котором опущено существительное *власти* и предлог *в*: *высший орган (власти в) губернии*.

Словосочетания *высший орган губернии* и *административное естествознание* подготавливают появление информации об антропологических исследованиях ученого, касающихся практической демографии, направленной на создание условий увеличения рождаемости русского народа. Благодаря эллипсису зависимого слова *власть* выражение *высший орган губернии* допускает двусмысленное истолкование сексуального плана, что также будет поддержано сюжетом рассказа.

Диалог просителя и чиновника в своей стилистике универсально бюрократичен, поэтому читатель может колебаться относительно эпохи, описываемой в рассказе.

Резолюция чиновника принадлежит официально-деловому стилю (*оказать возможное содействие, в целях*), однако также содержит паронимические сдвиги — переосмысленные конструкции, которые преобладают в документе:

Окажите ученому чину, поименованному в сем удостоверении, посильное возможное содействие в отыскании им расового корня, необходимого Императорской Академии наук для установления чистоты русской национальности в целях освежения государственности от приходящих инородных расовых сил.

⁶ Если обратиться к материалам НКРЯ, для текстов 1920-х гг. (59 примеров в 40 текстах) конструкции со словом *осведомленность* следующие: 1) предлог *о* + предл. пад. зависимого слова. 2) предлог *о* + предл. пад. зависимого слова. 3) предлог *о* + местоимение *то* в 4-м предл. + придаточное предложение. 4) по части + дат. пад. 5) предлог *по* + дат. пад. 6) предлог *с* + твор. пад. Наиболее частотны конструкции с предлогом *о* + предл. пад. имени или придаточным предложением.

Употребление в официальном документе названия научного учреждения — *Императорская академия наук* — не оставляет сомнений в том, что действие отнесено к дореволюционному прошлому, и окончательно фиксирует событие на временной шкале.

Словосочетание *ученый чин*, по-видимому, свидетельствует о том, что делопроизводитель не вполне уверен в том, какой части речи должно принадлежать слово *ученый*, и трактует его как прилагательное. С другой стороны, благодаря паронимическому сближению *ученый чин* тяготеет к слову *чиновник*⁷.

Форма единственного числа *расовый корень* может интерпретироваться метонимически как представитель множества или переводит метонимическое употребление в буквальное.

Понимание административной стороны власти как природной отражено в предложении, описывающем поведение чиновника: «Он дунул на лицо герба и со скрытым удовольствием прижал штамп к бумаге». В рассказе правитель дел обосновывает свое содействие ученому, исходя из важности роли науки: «...наука тоже должна помнить, что она только орган всеобщего государства».

После получения резолюции, предполагающей содействие в исследованиях, общение с музейным сотрудником закончилось для просителя неудачно: «Старичок читал отношение полчаса, потом положил его в сторонку и продолжал перекладывать бумаги, изучая каждую до верху, как говорится — в общем и целом». Данный фрагмент содержит важную отсылку к времени создания текста: идиоматический оборот *в общем и целом*, на который обратил внимание А. Селищев, возведя его к немецкому *im grossen und ganzen* (Селищев 2003, с. 38). Как полагал исследователь, это устойчивое выражение активизировалось после 1917 г.⁸

Во втором документе, который разрешает приезжему заниматься этнографическими и антропологическими штудиями, «приказывалось старосте в один день представить государственному ученому все взрослое население

⁷ Платонов экспериментировал со словом *чин* в повести «Епифанские шлюзы»: «— Да вон он лупит стенью. *плешиный чин*. за ширинку держится! — успокоился виноватый ямщик» (2, 107); «Затем я шлю тебе поручиков и капитанов отборного свойства. кои с ротами епифанских рекрутов и ополченцев придут на твои работы. а ты считайся полным генералом. а помощникам и сподручным мастерам также раздай *подобавшие чины*. коих с них станет» (2, 114).

⁸ Устойчивое выражение *в общем и целом*, как указывает НКРЯ, действительно активно употребляется в текстах начала XX в. и послереволюционного времени, тем не менее оно встречается и во второй половине XIX в. «*Все это должно было приехавшую в Смоленск литературу навести на грустные мысли относительно ее значения в общем и целом*». (М. Е. Салтыков-Щедрин. Литература на обеде [1868]). Обращение к НКРЯ показывает, что в период 1800—1916 гг. данный оборот встречается в 8 документах и 12 примерах: временной срез 1917—1930 гг. дает резкий рост употреблений: 37 текстов и 64 примера. преимущественно в публицистических текстах.

мужского пола, на предмет научного исследования их детородных членов и надлежащего обмера их».

Замена глагола *предоставить* на *представить*, на наш взгляд, является одновременно паронимическим сдвигом и компрессией, поскольку старосте предписывалось *предоставить* возможность исследовать жителей хутора, которые должны быть *представлены* ученому.

Только в середине рассказа при второй встрече в диалоге с водителем дел главный герой обретает имя — *Матвей Иванович*, фамилия его в тексте не упоминается.

Именно в этот момент фокус внимания перемещается на главного персонажа. Однако задачи, которые стоят перед этнографом, формулирует не он сам, а водитель дел: «У кого детородник больше — у того и кровостой гуще и разум плотней, тому и власть в руку! Ну, ясно, русского мужика никто в этом не превозможет! А возьми ты татарина, возьми ты еврея — мягкие микробы, а не люди! В этом у них металла нет!»

Слова *детородник* и *кровостой* не представлены ни в Словаре Д. Ушакова, ни в НКРЯ. Однако по внутренней форме существительных можно догадаться об их значении: *детородник* — разговорное название мужского детородного органа, а *кровостой* — насыщенность его кровью⁹.

Матвей Иванович полагает, что «можно определить возраст каждой нации и предсказать ее всемирно-историческую судьбу».

Антропометрическое исследование на хуторе Вырвины Ямки вызывает сочувствие испытуемых: «Мужики тогда были привычны ко всякому предписанию закона и покорно отдались в руки Матвея Ивановича». Местоименное наречие *тогда* отмечает временную дистанцию между описываемыми событиями и временем создания текста и описывает покорное законопослушание мужиков в дореволюционное время.

Реакция одного из сельчан на исследование имеет скорее животноводческий характер: «Правда, будто государь тыщу мужиков отбирает — французской державе будто подарок живым народом хочет сделать, а то француз ослаб и у него женщина не рожает».

Результаты полевых исследований ученый интерпретирует в приложении к государственному строительству. «Матвей Иванович возвратился веселым и в одну неделю статистически доказал необходимость великой державы русского народа. Это исходило от величины одного *элемента русского тела* в сравнении его с таковыми же элементом инородцев». Собственно, непосредственный предмет исследования этнографа — *элемент русского тела* — пред-

⁹ Существительное *кровостой* не включено в Большую медицинскую энциклопедию. Платонов употребил его в повести «Ямская слобода»: «И еще кое-что мог делать Филат, но одного не мог — жениться. На это ему не раз указывали — летом кузнец, а зимой шорник Макар: / — Што ж ты, Филя, век свой зябнешь: в бабе — полжизни! Не раздражай себя, куда тебе тридцать лет, потом рад бы, да *кровостой* жидок будет!» (2, 241).

стает как объект стыдливого умолчания, источник эвфемизмов, не названный ни точным научным термином *пенис* или *мужской детородный орган*¹⁰ (напомним, что в официальном документе употреблен оборот с паронимическим сдвигом *детородный член*), ни его трехбуквенным нецензурным синонимом¹¹. Исследования Матвея Ивановича становятся основанием его продвижения по службе: он «естественным образом вжился в городские государственные дела. <...> ...Матвей Иванович считался шедевром губернии — и его приглашали на губернские балы... От Матвея Ивановича всегда требовали рассказа о технических деталях своей науки».

В последней фразе некорректно употреблены существительное *деталь* и возвратное местоимение *свой*, нуждающееся в согласовании с субъектом. Значение существительного *деталь* Словарь Д. Ушакова определяет так: «1. Мелкая подробность, частность (книжн.). *Нарисовать дом со всеми деталями. Детали этого дела мне неизвестны.* 2. Мелкая часть машины (тех.)» (Ушаков 1996, т. 1, с. 698). В первом значении слово *деталь* сочетается с существительными, обозначающими визуальный образ или повествование, во втором значении — часть сложно устроенного целого.

Кореферентная цепочка номинаций предмета исследований Матвея Ивановича в рассказе выглядит следующим образом: *расовый корень, детородный член, детородник, один элемент русского тела, любимый научный предмет*. Платоновское словосочетание *деталь науки* в контексте нормативного употребления также может восприниматься как эвфемизм. Применительно к приведенной выше цепи прямых номинаций и эвфемизмов переосмысливаются конструкции *высший орган губернии* и *наука как орган государства*, получая интерпретацию сексуального плана. Слова разных частей речи, объединенные сексуально-репродуктивной семантикой: приведенные выше

¹⁰ Для выяснения терминологически правильного выражения мы обратились к Медицинской энциклопедии: «ПОЛОВОЙ ЧЛЕН, penis (по лат. буквально хвост), membrum virile, мужской половой член. П. ч. орган с двойной физиол. функцией: акта совокупления с выделением семени и выделением мочи из мочевого пузыря. В мужском П. ч. человека различают задний широкий укрепленный конец — корень (radix penis) и свободную часть: поверхности — переднюю, или тыл П. ч. (dorsum penis), и заднюю (при висающем положении)» (БМЭ 1933, с. 317).

¹¹ В Словаре Д. Ушакова показана сочетаемость прилагательного *детородный*: в качестве определяемого слова выступает именно существительное *орган* (Ушаков 1996, т. 1, с. 699). Словосочетание *детородный орган* представлено в НКРЯ в 42 текстах и 42 примерах (для интересующего нас периода 2 примера для довоенных текстов и 1 для XIX в.), словосочетание *детородный член* также встречается в НКРЯ, однако только 8 раз — в том числе 1 раз в тексте XIX в. и 1 раз в тексте 1920-х гг.: «Эта изжелто-зеленая глина, из Хорассана и Казвина, служит в смеси с негашеною известью, для обязательного обоим полам вытравления волос у *детородных членов* и заднего прохода (или скромнее: на скрытых местах)» (П. И. Огородников. Очерки Персии. Калейдоскоп шахруда. Персидское побережье Каспия. Перевал через Кузлук [1874]); «Тогда Дионис тонкой веревкой привязал его мужской *детородный член* к его же ноге, так что оно, проснувшись, сильным и быстрым движением само себя оскопляет» (Ф. Ф. Зелинский. Религия эллинизма [1922]).

существительные, а также глагол *отдаться* — формируют единство, важное для развития сюжета.

Композиция, сюжет и главный герой

Название рассказа принадлежит публикаторам. Заглавие как сильная позиция текста предполагает, что внимание читателя будет направлено на некую территорию. Что стоит за определением — читателю предстоит прояснить по прочтении текста, поскольку прилагательное *дикий* многозначно. Обратимся к Толковому словарю Д. Ушакова: *дикий* — «1. Находящийся в первобытном состоянии, некультурный. дикие народы. || о растениях: растущий на свободе, некультивированный, в отличие от садового. дикая яблоня. дикий виноград. || о животных и птицах: не прирученный, живущий на воле, в отличие от домашнего... 2. В знач. сущ. дикий, дикого, м. Дикарь. 3. Пустынный, глухой, мрачный (*книжн.*)... 4. Грубый, необузданный, бешеный... 5. Неестественно странный, необычайный, крайне нелепый... 6. Застенчивый: тот, который дичится... 7. Не входящий ни в какую профессиональную организацию... 8. Очень сильный (о каком-н. чувстве; разг. фам.)» (Ушаков 1996, т. 1, с. 708).

Соответственно, выбор смысла заголовка, который задан системой языка, будет касаться а) первобытности и нетронутости цивилизацией, б) некультурности, в) незаселенности или г) странности (см.: Кржижановский 2006, с. 12—13).

Как свидетельствуют данные НКРЯ, словосочетание *дикое место* не противоречит платоновской стилистике и дважды повторяется в более позднем произведении «Джан»: «Человечество думает, что в пустыне ничего нет, одно неинтересное *дикое место*, где дремлет во тьме грустный пастух и у ног его лежит грязная впадина Сары-Камыша, в котором совершалось некогда человеческое бедствие, — но и оно прошло, и мученики исчезли» (4, 149); «Чагатаев оставил свой путь и пошел наперерез через *дикие места* в южном направлении, чтобы увидеть, кто идет там, где никого не должно быть» (4, 160). В обоих случаях словосочетание означает неосвоенную и пустынную территорию. В рассказе 1927 г. это значение если и присутствует, то уходит на периферию, переосмысливается как культурно неосвоенное.

Рассказ написан от 3 лица единственного числа, за исключением одной перволичной вставки. В первом абзаце употреблено притяжательное местоимение 1 лица *наша*, которое отсылает адресата текста к знакомой ему обстановке, объединяющей повествователя и читателя. «В окрестностях одной тюрьмы — такой же, как наша, — существовал город, населенный равными людьми». Однако далее первое лицо повествователя уже не встречается в тексте. Отсылка касается тюрем, которые устроены похожим образом.

Сюжет несложен: описываются этнографические исследования русского народа в одной из российских губерний, начавшиеся еще до прихода советской власти, продолжившиеся до 1920-х гг., и история ученого, который ими

занимался. Действие охватывает более двадцати лет. В рассказе отражено несколько планов: само исследование, реакция общества на штудии Матвея Ивановича и судьба этого ученого.

Динамику развития главного персонажа Матвея Ивановича можно определить как путь от человека «воплощающего сугубо рациональное, умозрительно-духовное отношение к миру» к личности «ищущей и в принципе способной испытать состояние гармонии с миром», в терминах Е. Яблокова (Яблоков 1994, с. 197, 200). Герой появляется «ниоткуда», в рассказе нет его предыстории. Приехав для этнографических исследований в поисках расового корня, он сам укореняется в Краснозвонске.

Занятия героя научными исследованиями выражены в рассказе соединением нескольких мотивов. Существовавшее *наука*, встречающееся дважды, характеризуется амбивалентно — как *орган всеобщего государства*, а также как *мертвый тормоз разбега истории*, и *уголь в топке ее паровоза*. *Государство*, его дериваты и синонимы упоминаются в рассказе восемь раз: *всеобщее государство*; *освежение государственности*; *государственный ученый*; *французская держава*; *городские государственные дела*; *необходимость великой державы русского народа*; *умение понимать что-либо государственно просто*.

Идея национальной и державной силы опирается на важные для Платонова лейтмотивы слияния научного, телесного, природного, социального и государственного. Главенствующей объединяющей силой в этом сплаве является телесное.

Начало и окончание научных проектов Матвея Ивановича существенно различаются. Если по приезду в Старозвонный Кут формулировки исследования касались национального превосходства — «отыскания... расового корня, необходимого... для установления чистоты русской национальности, в целях освежения государственности от приходящих инородных расовых сил», — то последний научный доклад Матвея Ивановича посвящен «учреждению Сексуального Интернационала... срочной необходимости такого воспитания людей, чтобы и люди, и вещи, и животные вошли в чувственные страстные отношения».

Пересечение мотивов телесности, сексуальности и государственности дано в финале рассказа, где природа и цивилизация соединяются в проекте ученого: «...тогда, думал Матвей Иванович, любовь материализуется и вселенная, наконец, приобретет крепость и вечный мир единого плотного тела».

Как писала Н. Злыднева, «отдельный мотив может служить интерпретирующим ядром, связывающим и обнажающим глубинные смыслы сопричастных мотивов» (Злыднева 2006, с. 16). Бесприютность и беспристрастность персонажа дают ему силы в начале исследований, приводят к взлету карьеры и популярности у местных обывателей, однако в финале сменяются его эмоциональной уязвимостью: «...он охотно разъяснял эти детали, поскольку речь шла о твердых фактах. <...> Но в последние десять лет жизни Матвей Иванович ослаб, часто плакал и стал каким-то человеком». Показатель неопреде-

ленности при существительном *человек* можно интерпретировать как то, что персонаж стал похож на человека по своим реакциям на происходящее.

Когда в последней части рассказа повествователь обращается к жизнеописанию Матвея Ивановича, оно получает неожиданную оценку:

На пятый год жизни в Старозвонном Куте Матвей Иванович женился. Жена ему вышла удачная — некая нелепая девица, но очень добрая от слепой веры в Бога. Это была вторая удача в жизни Матвея Ивановича: до Старозвонного Кута он терпел сплошные бедствия. Третьей и последней удачей Матвея Ивановича был сын — не свой, а приемный, потому что его девица не могла ничего родить.

Положительную оценку получают и брак, и нелепая девица, и приемный сын. Субъектом оценки здесь, по-видимому, должен быть сам Матвей Иванович. Далее субъект и вектор оценки меняются. Устройство семьи, названное в тексте *удачей*, не привело к рождению собственных детей. Оценка в этом случае принадлежит повествователю. Ситуация парадоксальна, поскольку ученый, доказавший, что «русский народ — это плодородный чернозем», женился на бесплодной женщине. В данном абзаце обнаруживается параллелизм с фразой из прямой речи мужика: «...француз ослаб и у него женщина не рожает». Так в предмет исследований ученого его собственная история вносит существенную коррективу: для выполнения репродуктивной функции недостаточно обменивать только представителей мужского пола, потому что в появлении потомства участвуют как мужчина, так и способная родить женщина.

Последний абзац рассказа подчеркивает и профессиональный провал, и личный крах главного персонажа: «Доклад был отклонен еще в плановой комиссии, и великая мечта Матвея Ивановича навсегда замерла, попутно оставив его огорченное идейное сердце».

В финале описывается предметная деталь, данная почти в чеховской манере: «Его жена... до сих пор, наверное, вяжет скатерти с инициалами заказчиков по углам», — тем самым смягчается сатирическая тональность рассказа. Композиция организована таким образом, что в начале текста показан дальний план, а в финале читатель видит вдову Матвея Ивановича крупным планом. Эпизод напоминает сцену, описанную в начале рассказа: «...шло вечернее благоухание в мудрые домики, где люди с медленным сладострастием пили чай и дули воздух в блюдца».

В рассказе на уровне сюжета устанавливается параллель между ложным направлением научного поиска персонажа и неблагополучием его личной судьбы.

Отглагольное существительное *измерение* во фразе «Умер Матвей Иванович в 1925 году, пресеченный в своем лучшем измерении» возвращает нас к пространственным координатам, то есть к заглавию рассказа «Дикое место»,

по прочтении которого адресат текста, анализируя заголовок, стремится уточнить его смысл. По-видимому, из значений полисемичного прилагательного следует выбрать *природный, не освоенный цивилизацией*.

Исторический контекст

Словоупотребление Платонова обнаруживает параллели в публицистике первой трети XX в.

Непривычное для читателя начала XXI в. словосочетание *расовый корень* при обращении к НКРЯ оказывается поддержано примерами из публицистики современника Платонова, философа, правоведа и основоположника русского национал-большевизма Н. Устрялова. Устрялов как академический ученый, сторонник «смены вех», публицист, автор книги о германском национал-социализме поддерживал националистические основы революции. В сборнике его статей «Под знаком революции», вышедшем двумя изданиями (1925, 1927), и в более поздней книге «Германский национал-социализм» (1933), посвященной немецкому фашизму и его лидерам, прослеживается единство словоупотребления.

«„Общечеловеческий, планетарный патриотизм“ не исключает расовых корней и национальных ликов» (Устрялов 2010, с. 422); «Гражданские права должны быть предоставлены только лицам германского *расового корня* (Volksgenossen, т. е. своекровные, соплеменники)» (Устрялов 2012, с. 15); «Всякая серьезная попытка осуществить эти пункты на деле привела бы к глубочайшему потрясению государства. Ибо где критерий „чистоты расового корня“? Не без основания иронизируют, что ближайшее окружение самого вождя подлежало бы тогда основательной и чуть ли не сплошной чистке; некоторые сомневаются, подошел ли бы и сам он под понятие „соплеменника“ (Устрялов 2012, с. 24); «Лютер, Гете и Бетховен не могут быть причислены к „германскому типу“; Шиллер, Шуман, Лист, Ницше тоже весьма подозрительны по своему „расовому“ корню» (Устрялов 2012, с. 24). Как и у Платонова, интересующее нас словосочетание употребляется у Устрялова во множественном и в единственном числе. Существенно, что книга «Под знаком революции» явилась предметом дискуссии — оппонентом Устрялова выступил Н. Бухарин, принципиально не соглашавшийся с ним по экономическим, политическим и национальным вопросам. Бухарин писал: «Мы отказались от великорусского шовинизма и сплотили свой союз на новых основах сожительства наций»¹² (Бухарин 1925, с. 71).

¹² Размышления о порочности расовых теорий не оставляли Бухарина и в более позднее время. Он противопоставлял теорию германского национал-социализма и интернационализм, сторонниками которого были лидеры советского государства. В рукописи «Философские арабески» Бухарин развенчивает теорию так называемого расового мышления (см.: Бухарин 2008, с. 99—115).

Подведем итоги. Словоупотребление Платонова с метонимическими переносами и паронимическими сдвигами создает поле лексических единиц с сексуально-телесной семантикой. Цепочка прямых профессиональных номинаций и эвфемизмов подготавливает сюжет, который строится вокруг этнографическо-демографических исследований ученого, заключающихся в антропологических измерениях мужчин. На основании результатов главный герой намеревается установить чистоту русской расы. Работа, начавшаяся еще до 1917 г., продолжается и после революции. Однако и профессиональная карьера (несмотря на взлет популярности), и личная судьба этнографа оказываются безрадостными: его доклад отвергнут, семья бездетна. В рассказе «Дикое место» происходит слияние нескольких лейтмотивов: сексуальности, телесности и государственности; государство мыслится как тело, но прямые параллели человеческой телесности и общественного устройства в этом произведении показаны как несостоятельные.

ЛИТЕРАТУРА

- БМЭ — Большая медицинская энциклопедия. [В 35 т.] М.: Государственное словарно-энциклопедическое издательство «Советская энциклопедия», 1933. Т. 26.
- Бухарин 1925 — Бухарин Н. И. Цезаризм под маской революции: по поводу книги проф. Н. Устрялова «Под знаком революции». Н. Новгород: Нижегородская коммуна, 1925.
- Бухарин 2008 — Узник Лубянки: тюремные рукописи Николая Бухарина. М.: АИРО-XXI; РГГЭУ, 2008.
- Даль 1978—1980 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [В 4 т.] М.: Русский язык, 1978—1980.
- Злыднева 2006 — Злыднева Н. В. Мотивика прозы Андрея Платонова. М.: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Кржижановский 2006 — Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 6 т. СПб.: Симпозиум, 2006. Т. 4.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка/ — URL: <http://ruscorpora.ru>
- Платонов 2005 — Платонов А. Дикое место // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6.
- Селищев 2003 — Селищев А. М. Русский язык революционной эпохи. М.: УРСС, 2003.
- Толстая 2002 — Толстая Е. Д. Мирпослеконца. М.: РГГУ, 2002.
- Устрялов 1933 — Устрялов Н. В. Германский национал-социализм. Харбин, 1933. — URL: www.magister.msk.ru/library/philos/ustryalov/ustry019.htm
- Устрялов 2010 — Устрялов Н. В. Избр. труды. М.: РОССПЭН, 2010.
- Устрялов 2012 — Устрялов Н. В. Германия в круговороте фашистской свастики. М.: Алгоритм, 2012.
- Ушаков 1996 — Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Терра, 1996.
- Яблоков 1994 — Яблоков Е. А. О типологии персонажей А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1994. [Вып. 1].